

С.В. ПРОЖОГИНАДоктор филологических наук
Институт востоковедения РАН**ОКЕАН НОЧИ И ИСКРА СВЕТА***Ключевые слова:* марокканская художественная литература, социальное неравенство, женщины-домработницы

«**Хасна, или судьба одной женщины**» - так названа вышедшая в 2011 г. книга *Мари Гессус*¹, уроженки и жительницы Касабланки, филолога, специалиста по западной литературе, имеющей разностороннее образование, многочисленные дипломы, интересующейся нейролингвистикой, менеджментом, программированием... Она уже автор нескольких художественных произведений, в т.ч. романа «Двойная жизнь» (2009).

Судя по резюме, М.Гессус - из тех молодых, современных марокканок, которые принадлежат к среде, достаток которой позволяет женщине самостоятельной и обеспеченной получить весьма весомый багаж для жизни. Однако, как свидетельствует ее новая книга, М.Гессус глубоко интересуется жизнью прямо противоположного слоя марокканского общества - людей обездоленных, несчастных, не имеющих возможности прорвать круг извечной обреченности на нищету, домашнее рабство, становящееся порой уделом миллионов марокканок. Порой - потому что и в колониальное, и постколониальное время быть прислугой в чьем-то доме было именно «привилегией» женщины: они кормили свои многочисленные семьи, их заработок был основным в городах, куда старались перебраться разорявшиеся в деревнях люди... Да и сегодня, судя по другим свидетельствам марокканок, почти рабский труд женщины, имеющей статус «домработницы» (или, как это благозвучно произносится по-французски, «бонны») в богатых домах (а их в Марокко и было, и есть немало), - единственное подспорье для их семей, живущих где-то в горах или на краю пустыни, в глубинке, или ютящихся на бедных окраинах больших марокканских городов, заселенных безработными. Случается, конечно, что в богатых домах служат лакеями мужчины, но и при этом всю «черную» работу в доме делают женщины.

«Бонна» сегодня в доме - это почти в одном ряду со стиральной машинкой, микроволновкой, холодильником, мобильным телефоном и прочими удобствами современного мира... Эти «гаджеты», конечно, облегчают теперь труд домашней работницы, но в традиционном обществе не избавляют от статуса бесправного и презренного существа, чье предназначение - безмолвное исполнение любых прихотей хозяев, непрерываемость их требований, иногда превышающих во сто крат безусловность содержания дома «в чистоте и порядке».

А если принять во внимание, что между товаром (домработницей) и потребителем (ее хозяевами) часто стоят посредники, оформляющие сделку по найму рабочей силы в частный дом или другие хозяйские владения, то реальным заработком такого рода работники не обеспечены, не получают его в свои руки, - он достается целиком и полностью тому, кто сумел продать женщину в такого рода рабство. А ей - лишь обноски да объедки с барского стола. Да воз-

можность иметь крышу над головой, живя в каморке или под лестницей барского дома...

Реальность описанного в книге М.Гессус не вызывает ни сомнений, ни упреков в гиперболизации происходящего на ее страницах, ни в сгущении атмосферы современного восточного социума, где и без домашнего рабства статус мусульманки пока еще не особенно высок. А желание ограничить свое повествование примером «судьбы одной женщины» только усиливает степень конденсации типичности образа марокканки, воссозданного в книге как образ «другого», скрытого от глаз туристов, заезжих наблюдателей мира, особого, «внутреннего» состояния общества, резко расколотого надвое абсолютной нищетой и непомерным богатством...

И повесть о девочке, выросшей, повзрослевшей, «прозревшей», а потом и трагически погибшей, так и не выбравшись из засилья неравенства, нищеты и несправедливости, написанная нашей современницей на материале сегодняшних будней, на исходе первого десятилетия XXI в., не может не вызвать интереса. Интересна эта повесть и как факт развивающегося в художественной прозе марокканцев жанра литературного свидетельства², и как новый факт, подтверждающий все еще существующую в марокканском обществе бездну социального разобщения.

Неслучайно, конечно, что история жизни героини книги М.Гессус начинается в глухом горном селении, а заканчивается в беспощадной морской пучине: этот длившийся несколько долгих лет спуск - как метафора утраты надежд и постепенной гибели человека, которого жизнь погружала только в мрак своих противоречий, только в боль своих тайных или скрытых ран, только в пропасть отчаяния и глухой тоски. Но между как бы полюсами самой природы этой жизни - горных вершин и морского дна - лежал еще и современный город, куда увезли в раннем возрасте и продали в домашнее рабство Хасну, девочку, оставшуюся круглой сиротой, воспользоваться несчастьем которой сумел ее оборотистый дядя, брат покойного отца.

Когда-то рано ушедшие родители Хасны (болезни и нищета подорвали их силы), вопреки всему, смогли записать девочку в школу, хотя и находившуюся в отдалении, в другом горном селении. Девочке нравилось посещать школу, она любила слушать учителя, научилась читать. Оставшись на попечении дяди, брата отца, она сразу же лишилась всего - не только семейного очага, родительской любви и ласки, но и возможности учиться дальше. Отныне, проехав на автобусе почти полстраны, Хасна будет брошена поначалу в Танжере, а потом и в Касабланке на произвол жадности, самодурства, невежества, эгоизма. Беспощадности тех, кто, не жалея сил и здоровья ребенка, а потом и молодой девушки, будет удовлетворять свои потребности, пожелания, похоть, использовать ее в своих семейных интригах

и принуждать делать всю черную работу по дому, платя за все только руганью, упреками и оскорблениями. Дядя исправно получал свои «комиссионные», а все остальное, как говорили ее хозяева, шло «на содержание» Хасны.

Унижали ее не только запретами, недоверием, брезгливостью в отношении к ней. Ее всегда подозревали виновной в худшем, что происходило в том или ином доме. Она страдала и от припадков ревности хозяек, мучившихся мыслью, что их мужья не равнодушны «к молодой прислуге», и от сумасшедших капризов хозяйских детей, их сыновей, особенно, порой принуждавших ее к сожительству с ними; и от диких приступов страсти хозяев, пытавшихся забыть с ней надоевших и сумасбродных своих жен...

Хасна, покидая один за другим мрачные и блудные дома, жалуюсь дяде, переходя с его помощью «из одних рук в другие», изнуренная не столько беспощадно тяжелой «поденщиной», сколько беспросветностью своего существования, найдет, конечно, какое-то подобие выхода: сбежит от засилья дядиных «связей», устроившись самостоятельно на работу в, казалось бы, «приличный дом». Но и тогда ее постигнет новый груз обрушившихся на нее забот. Да, она стала свободнее, выходила за покупками, встречала на рынке таких же, как и она сама, узнавала многое из их тоже непростой и нелегкой жизни.

Как-то познакомилась и с молодым человеком. Влюбилась... Забеременев и став матерью, она будет вынуждена отдать своего ребенка под «присмотр» чужим людям, а сама станет искать способ выбраться из страны, чтобы не испытывать вечный теперь позор, заработать на жизнь себе и дочери «где-то в эмиграции»...

Ей, как и всем, чьим уделом были унижение, нищета и отчаяние, хотелось «за море». Испания, что была «на том берегу», совсем рядом, казалась избавлением от вечно длящегося несчастья жизни, «раем», где можно жить «достойно» и «честно зарабатывать деньги»... Сколько их таких, как она, пробует

перебраться через Гибралтар всеми способами... Лишь бы доплыть сюда, оказаться на берегу своей мечты...

И вот она, как и другие ее соотечественники, набившиеся вдесятером в утлую лодку, пытается справиться с неожиданно поднявшейся бурей... Высокие волны захлестнули их, не позволив добраться до «лучшей жизни». Но ждала ли она их там?.. Впрочем, об этом, уже другом горьком опыте эмигрантов написал другой марокканец, почти уже классик, увенчанный лаврами мировой славы, не понаслышке знающий о жизни своих соотечественников в Европе³... Да разве он один. Жизнь «на чужбине» - особая тема всей магрибинской литературы, особенно франкоязычной. Она - особый пульс не только художественного, но и общественного сознания североафриканцев, пытавшихся соединить с Европой свою надежду на обретение «лучшего будущего»⁴...

Но я не об этом. А о том, что вышедшая недавно книга Марии Гессус «Хасна, или история одной женщины» снова показывает и старую, не утихающую боль этого мира, и его извечные, неугасимые надежды на избавление от этой боли... Рисует мир, в котором устоявшаяся традиция жизни жаждет обновления, и люди ловят искры своих надежд, пытаются выбраться к Свету, преодолев мрак несвободы и несправедливости.

¹ Guessous M. Hasna ou le destin d'une femme. Paris, Biaritz, 2011; Casablanca, 2011.

² Яркий пример, предшествующий теме повести М.Гессус, книга Хурий Бусседжры «Незавершенные женщины» (*Boussejra C.H. Femmes inachevées*, Rabat, 2000). Подробнее см.: Крылова Н.Л., Прожогина С.В. Путь к себе. М., 2013.

³ Я имею в виду один из последних романов Тахара Бенджеллуна (подр. см.: Прожогина С.В. Магрибинский роман. М., 2007). Partir. P., 2006.

⁴ Подробнее см.: Прожогина С.В. Для берегов Отчизны дальней. М., 1992; Женщина и чужбина (в соавт. с Крыловой Н.Л.). М., 2007 и мн. др.

ИНДОНЕЗИЯ.

НОВЫЕ ОЦЕНКИ СТАРЫХ СКАЗОК

Ю.И. НОСКОВ
Литератор

СКАЗКА КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ

Ключевые слова: Индонезия, индонезийские народные и литературные сказки, сказители

Прекрасна индонезийская земля. Фантастические джунгли. Диковинные флора и фауна. Какie красочные пейзажи! Всё располагает к рождению особенных сказок, в которых герои перевоплощаются, животные разговаривают как люди, добро побеждает злые намерения.

«Кто сеет, тот пожнет урожай. Кто сеет мысли, пожнет дела. Кто сеет поступки, пожнет привычки. Кто сеет привычки, пожнет характер. А характер определит судьбу»¹. Это высказывание индонезийского сказочника из г. Джокьякарты (Центральная Ява) Бамбанга Бимо Сурьоно приводит газета «Республика». «Сказкой можно создавать нрав детей. Со сказкой дети получают знания и о религии, и о жизни - без навязчивой лекции»

онности», - говорит Бимо, для которого сказка стала любимым жанром, формой воспитания и обучения.

По его мнению, Индонезия в настоящее время погрязла в коррупции из-за тлетворного влияния на характер индонезийцев отдельных сказок, рассказов и легенд, которые в детстве читали им родители, а теперь повзрослевшие дети воспитывают на них собственных чад. Например, сказки о *канчиль*^{*}, изворотливом оленёнке, который хитростью и обманом выходит из самых трудных ситуаций. Истоки нездорового интереса жителей Центральной Явы к порнографии Бимо Сурьоно тоже видит в том, что в детстве они слуша-

* Канчиль - карликовый оленёнок.